

набросать на виму, да дичковъ фруктовъ на-
трясти съ одичавшихъ яблонь и сливъ. А между
тѣмъ, съ веранды, обрамленной каменной баллю-
страдой, открывается дивный видъ на зарѣчную
часть города.

Но кто имъ любитъ? Садъ закрытъ, за-
пущенъ... и вечеромъ лишь стаи летучихъ
мышей рѣютъ среди сучьевъ старыхъ липъ.

Видно, того ухода, что хватаетъ духовенству
для приведенія въ порядокъ „интерьера“ храма,
недостаточно для внѣшнихъ угодій, принадле-
жащихъ храму.

А жители? Они, которые обязаны храму въ
значительной степени славѣ своего города, —
да что говорить — одной ли славѣ? и доходамъ,
(ибо оставляемые заѣзжими любителями и просто

путешественниками деньги не такую ужъ играютъ
малую роль въ бюджетѣ города) — и жители
не понимаютъ значенія для нихъ самихъ и ихъ
благополучія — существованія храма.

А пора бы понять. И надо бы 1—2 часа въ
недѣлю, чтобы каждый гражданинъ, истинно
любящій свой городъ, поработалъ на пользу
храма — площадь передъ фасадомъ и садъ
будутъ приведены въ порядокъ. И неужели не
пойдутъ на это шартры? — Потомки тѣхъ,
кто были авторами-каменщиками дивнаго созданія
XIII—XIV вѣковъ? Конечно, пойдутъ: имъ надо
только это все рассказать. Ихъ только надо
къ этому призвать, заохотить.

Г. ЛУКОМСКІЙ

ЖИВЫЯ ВСТРѢЧИ

(РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ РЕВОЛЮЦИИ)

И В. БУНИНЪ

Въ маленькой, весьма нескладной передней
плутоватая горничная, видимо обыкшая къ по-
сѣщеніямъ молодыхъ робкихъ поэтовъ и оттого
усвоившая небрежную манеру обращенія съ
ними, пытается довольно долго.

— Обождите, повелительно бросаетъ, нако-
нецъ, скрываясь.

Жду минутъ пять. Горничная возвращается
и ведетъ по большимъ комнатамъ, богатымъ и
столь же нескладнымъ, какъ передняя. Въ од-
ной была прежде столовая — по бокамъ какъ
гренадеры построились пузатые рѣзные шкапы,
а столъ по серединѣ убрали. Задержавшись, я
силюсь припомнить... Да, вотъ въ этомъ углу,
гдѣ сейчасъ стоитъ кресло межъ отпятившимъ
полированные бока шкапомъ и двухстворчатымъ
дѣдовскихъ временъ окномъ, когда то давно,
быть можетъ, въ одномъ изъ бунинскихъ раз-
сказовъ, былъ насыпанъ свѣжій розовѣющій
овесъ, а раскрытое окно хлопало подгнившими
створками, хлопало подъ напоромъ легкаго вѣж-
ливаго вѣтра. А въ сосѣдней была зала или
диванная — съ потолка свѣсилась люстра съ
амурчиками плѣсневлрой бронзы, по стѣнѣ ухо-
дить вверхъ лѣстница, и пахнетъ отъ нея прѣ-
лымъ лавромъ и засушенной до мочалы гвоз-
дикой.

Я видѣлъ Бунина въ первый разъ, и до жути
поразило меня его лицо: до того глядѣло оно
измученнымъ и задержаннымъ. Желтый цвѣтъ
придавалъ его дряблымъ нежизненнымъ щекамъ

оттѣнокъ стараго слянялаго кипариса, не-
причесанныя густыя брови свѣшивались на глаза,
а подъ глазами — свѣрые запухшіе мѣшки при-
вычной бессонницы. Но въ фигурѣ его — онъ
былъ одѣтъ въ легкую черную пиджама — чув-
ствовалась какая то юношеская задорная лег-
кость, да еще едва уловимое благородство жеста.
И оно, тонкое какъ ароматъ хорошей сигары,
было во всемъ: и въ той непринужденной про-
стотѣ, съ какой онъ протянулъ руку и указалъ
на кресло, и въ той любовной заботливости, съ
какой сложилъ бѣлѣвшіе на столѣ листы лино-
ванной бумаги, вытеръ золотое перо автомати-
ческой ручки, положилъ его возлѣ чернилъ-
ницы.

— Вы русскій?, спросилъ онъ, подымая
глаза.

И говорилъ потомъ какъ много надо работать,
и какъ надо работать. Жить — творить, жить
— творить...

Я шелъ домой какъ пьяный. Былъ одинъ изъ
тѣхъ дней, неожиданныхъ и странныхъ, кото-
рыми въ Одессу приходитъ весна. Еще вчера
надувались сердитыя волны по морю, дулъ хо-
лодный вѣтеръ, пригибая къ землѣ голыя сучья,
моросилъ не то дождь, не то крупа — а сего-
дня — яркое солнце, въ первый разъ отворен-
ныя окна, море голубое какъ небо, и словно по
командѣ, полопались почки на опрямѣвшихъ вѣт-
вяхъ. Я шелъ и думалъ о немъ. Сейчасъ онъ
остался одинъ, придвинулъ укороченный листъ
линованной бумаги. Задумался и курить, стряхи-

вая большимъ пальцемъ пепелъ, а мѣшки подъ глазами дергаются, и правый бьетъ — бьетъ въ самый глазъ какъ въ лихорадкѣ. Теперь, пригнувшись къ столу, пишетъ, и подъ золотымъ его перомъ одна за другой встаютъ буквы, прямыя какъ изгородь, сочныя и очень увѣренныя.

*

Въ большомъ залѣ одесскаго литературнаго кружка — шумное собраніе. На предсѣдательскомъ мѣстѣ волнуется Петръ Пильскій, поглядывая маленькими своими пронзительными глазами вбокъ пенснэ на заполняющіеся ряды. Рядомъ — шевелятся медузы на склоненной головѣ Кугеля, блестятъ очки и плѣшь Александра Панкратова, то къ одному, то къ другому подсаживается Осиповичъ — подсадегъ, обниметъ пухленькими ручками животъ, а зачѣмъ подсѣлъ не знаетъ самъ. Создается „Свободный союзъ искусствъ“ съ отдѣленіями литературы, музыки, живописи, ваянія. Зачѣмъ понадобилось объединяться всѣмъ отраслямъ искусствъ въ одинъ союзъ никто не вѣдаетъ, но всѣ чувствуютъ себя придавленными событіями и пришедшими въ Одессу большевиками и боятся „остаться безъ профессиональной защиты“. Собраіе еще не началось: въ секціи литературы произошелъ расколъ, молодые поэты захотѣли образовать собственную „мастерскую молодой литературы“, и сейчасъ у нихъ идетъ собраніе въ сосѣдней комнатѣ.

Бунинъ стоитъ въ проходѣ у окна, сложивъ руки на груди. Рядомъ куритъ трубку выложенный похожіи на моднаго доктора Нилусъ, на окнѣ потѣетъ въ изодранной своей шубѣ Борисъ Ивинскій — его носъ лоснится отъ жары и волненія, волосы торчатъ во всѣ стороны какъ у дикообраза.

Передъ Бунинымъ качается на каблукахъ плотный маленькій человѣчекъ въ огненной бородѣ и съ гривой всклокоченныхъ въ войлокъ волосъ — поэтъ Максимиліанъ Волошинъ. Онъ рассказываетъ какъ встрѣтился въ Парижѣ съ Далай-Ламой, и какъ Далай-Лама посѣтилъ его мансарду.

— А вы увлекались буддизмомъ?, спрашиваетъ Бунинъ.

— О-о!, восклицаетъ поэтъ, я собирался даже въ Тибетъ. Далай-Лама прислалъ мнѣ вышитый коверъ...

— Да, говоритъ Бунинъ, все таки изумительная вещь этотъ буддизмъ! Когда я былъ въ Коломбо...

Онъ легонько отбрасываетъ правую руку впередъ, словно боится, что подойдетъ ктонибудь очень близко. На немъ маленькая черная шапочка, какую носятъ адвокаты, и въ ней его

лицо меньше и моложе. Узкое, порыжѣвшее по воротнику пальто скрадываетъ его фигуру, придавая движеніямъ какую то связанность и неловкость.

— Вы тамъ написали „Братьевъ“?, спрашиваетъ Волошинъ.

— Нѣтъ, это послѣ... Когда я былъ въ Коломбо — меня равно поразили и свѣтъ солнца непередаваемый, слѣпящій, и ученіе Будды, въ которомъ много отъ этого слѣпящаго очи и душу солнца... Послѣ, выгружаясь на берегъ, я вышелъ въ Одессѣ какъ пьяный, не могъ глядѣть на освѣщенную землю — все чудился яркій свѣтъ Коломбо... Я хотѣлъ передать этотъ свѣтъ въ „Братьяхъ“.

Изъ зала выбѣгаетъ необыкновенно развязный молодой человѣкъ и очень громко кричитъ:

— Господа, что же вы? Задерживаете все собраніе...

Но, узнавъ Бунина, осѣкается:

— Иванъ Алексѣевичъ, просимъ.

Бунинъ, не отвѣчая, проходитъ по залу, садится у окна, неловко подвертывая подъ себя полы своего узкаго пальто. Изъ окна на его лицо падаетъ невѣрный зимній свѣтъ, оно кажется еще измученнѣе и сѣрѣе. Въ залѣ плещется разноголосый шумъ, Пильскій безъ устали трещитъ колокольчикомъ, Панкратовъ вытираетъ плѣшь широкимъ розовымъ платкомъ.

Бунинъ наклоняется къ Нилусу.

— Хорошо бы, говоритъ онъ задумчиво, хорошо бы сейчасъ уѣхать въ... Грузію.

*

— „Господа, вы понимаете, конечно, что заставило насъ сюда собраться. Я въ тысячу первый разъ повторяю, что сапожники, ткачи и маляры умѣютъ организовываться и защищать свои профессиональные интересы, а мы, литераторы, — не умѣемъ! Мы крестимся только тогда, когда грянетъ громъ, но... тутъ Пильскій поворачиваетъ какъ таранъ свое прострѣленное плечо въ сторону крайней лѣвой — „мастерской молодыхъ“, я не увѣренъ... проаноситъ онъ насмѣшливо, сумѣемъ ли мы организоваться даже теперь подъ явнымъ громомъ? Какъ предсѣдатель собранія я спрашиваю васъ, г. г. молодые, угодно вамъ продолжать obstructію или войти въ секцію литературы организованнаго свободнаго союза искусствъ?“

Петръ Пильскій вѣжливо опирается на столъ, и пенснэ отъ плохо скрытой насмѣшки дрожитъ на его носу.

Съ крайней лѣвой разомъ поднимаются три фигуры въ солдатскихъ френчахъ, одна съ затѣйливо припомаженнымъ застилающимъ брови Капюлемъ.

— Нѣтъ, кричатъ онѣ разомъ, не угодно!

— Петя, пошрительнымъ шепоткомъ пытаются затѣмъ двое, и впередъ выступаетъ Капуль.

— Намъ неуютно, вопить онѣ запальчиво, объединяться съ вами, старые износившіеся кроты и господа академи...

— Вонъ! Вонъ!

— Личности!

— Призываю васъ къ порядку, господинъ

— Пильскій мастеръ выдерживать паузы — поэтъ.

— Намъ неуютно, да!, заходился онѣ тоненькимъ тенькающимъ фальцетомъ, объединеніе съ вами — смерть намъ! Вы создатели кружковщины въ литературѣ! Вы забили ее своими патентованными талантами, и вновь не пустите насъ дальше передней... Довольно! Мы — представители свободнаго, чистаго искусства, мы — носители и творцы рожденнаго революціей новаго міра не ж-желаемъ...

— Ха-а, задохнулся залъ въ искреннемъ смѣхѣ.

Капуль обидѣлся.

— И вовсе не смѣшно... Отъ имени свободной мастерской молодой литературы объявляю вамъ: вы не писатели, а репортеры.

Въ отвѣтъ въ залѣ безудержно, заливчато, до коликовъ обвалился смѣхъ, но часть публики, повидимому репортеры, угрожающе поднялась.

„Мастерская молодыхъ“, звонко задвигавъ сапогами, вышла вонъ въ полномъ составѣ. И этотъ громкій походъ, въ которомъ молодыя энергичныя ноги выразили весь свой протестъ противъ засилья „патентованныхъ“ талантовъ въ литературѣ былъ настолько комиченъ, что весь залъ снова шумно и очень искренне разсмѣялся. „Враги“ оказались много глупѣе, чѣмъ думали.

Я сбоку посмотрѣлъ на Бунина.

Онѣ со скучающимъ видомъ глядѣлъ въ окно, но мѣшокъ подѣ его правымъ глазомъ сейчасъ нервно дергался, а межъ сѣдѣющихъ бровей набѣжала безпомощная складка. О чемъ онѣ думаетъ? Быть можетъ, сейчасъ ему снова пришла въ голову мысль Сутта Ниты, нѣкогда вдохновившая его написать „Братьевъ“:

— Взгляните на братьевъ, избивающихъ другъ друга камнями. Я хочу говорить о печали.

АНАТОЛІЙ КАМЕНСКІЙ

Небольшой залъ Интимнаго театра биткомъ набитъ. Внизу жужжить оставшаяся за бортомъ толпа, волнуются студенты, избирая депутацію къ самому Каменскому.

— Товар-риши, захлебывается бѣлобрысый студентишко въ замятой драгунскимъ манеромъ

фуражкѣ, скажите писателю, что для насъ лекція имѣетъ воспитательное значеніе. М—мѣста молодежи!!

Въ фойе шелестятъ нарядныя дамы, ярко горятъ лампы, нетерпѣливый гулъ клокочетъ, стекаетъ внизъ по каменной лѣстницѣ. Самъ Каменскій въ усахъ, только что вспушенныхъ и приподнятыхъ парикмахеромъ, сытый и гладкій какъ буржуазный котъ, безпомощно отбивается отъ трехъ вихрастыхъ репортеровъ:

— Господа, господа... минуту вниманія... придется лекцію повторить...

И вотъ три звонка и занавѣсъ.

Каменскій сидитъ въ предсѣдательскомъ креслѣ, его окружаютъ волосатые поэты въ экзотическихъ курткахъ и совершенно чудовищныхъ прическахъ. Въ залѣ — тишина. Слѣва отъ меня жена писателя въ оранжевой накидкѣ. Справа — вереница дамъ въ плерезахъ и безъ, съ палантинами и безъ. Ихъ лица, тронутыя пудрой, пунцовѣютъ нетерпѣливымъ румянцемъ, въ затѣненныхъ карандашами глазахъ втягивающіе жадныя огоньки.

— Священное животное, произноситъ Каменскій неуваженно-тихо и ведетъ взглядъ по залу; тишина въ залѣ; дамы жмурятся какъ отъ ласковой щекотки; на галеркѣ пораскрывали какъ галчата рты поавшіе таки въ залъ студенты: рѣшается проблема пола. И жадная настороженность зала вкладываетъ смѣлость въ уста писателя.

— Женщина, фундаментально выкладываетъ онѣ, есть или змѣя, или корова.

— Ха-ха?, спрашиваетъ съ галерки чей то бась.

— Да-съ, подтверждаетъ писатель, въ женщинѣ все материнское — коровье, все что отъ гетеры — змѣиное... Тутъ онѣ очень некстати вспоминаетъ Шопенгауэра. Потомъ Нитцше и Штирнера, и почему то даже Платона, на чемъ лекція и кончается, и писатель, поклонившись и не ожидая аплодисментовъ, уходитъ за кулисы.

Вслѣдъ ему поэты и студенты открываютъ пренія. Поэты для чего то читаютъ свои стихи, студенты, оскорбляясь и негодуя, требуютъ, чтобы писатель взялъ свои слова назадъ.

— Равно ни коровой, ни змѣей я не могу признать свою мать!, заливчатымъ теноркомъ кричитъ бѣлобрысый студентишко въ драгунскомъ картузѣ.

— Онѣ оскорбляетъ чувство любви...

— Пусть беретъ свои слова обратно!

Галерка дрожитъ отъ негодованія... В-ва-ва-ва — молодой разгорающийся гулъ идетъ оттуда надъ недоумѣвающимъ, разочарованнымъ партеромъ и бьетъ въ сцену, требуя ясности и оправданія.